

ИЛЬЯ ЛУДАНОВ

ЗВЕРИНОЙ ТРОПОЙ

РАССКАЗ

Выше густого ивняка, над водой, нарезал круги потревоженный ястреб. Птичий крик звучал резко, отрывисто. Человек сдёрнул с плеча ружьё, на ощупь достал патроны. Зарядил и, глухо хрустя болотными травами, двинулся к широко разлитой от половодья бобровой запруде.

Неделя, как сошёл лед. Полевые птицы ещё не начали распев, но было совсем тепло. Он щурился на солнце, сверкавшее отовсюду.

Вскинул двустволку на всплески в камышах. Легко посвистывая, не страшась выстрела, перед ним набирала высоту пара крякв. Червлённая мушка села под блестящего перламутровой головой селезня, провела за ним черту по белесому небу и сникла. Он совсем не умел разбивать пары, стрелял одиночек. Утки дали круг горячей апрельской любви у него над головой, ушли по речке, буйной стремниной убегавшей от озера по лощине. Ещё недельку-другую полетают, потом она найдёт себе скрытное местечко в дёбрах или затопленных камышах и сделает гнездо, думал он, закинув ружьё за спину.

С тихим наслаждением от весны после слабой на морозы, чавкающей зимы он обошёл причёсанный половодьем берег. У статной, разлапистой ели присел отдохнуть. Трава едва наметилась. Земля холодила.

Не хотелось сюда приходить. Но каждую весну, в редкую неделю вольной охоты он сидел у столба и, не оборачиваясь, видел, как обрывками проводов покачивал на ветру чёрный смолённый столб; крытые летом крапивой и лопухами, чернели остатки горелого прошлогогодним палом частокола. Из дубовой, огнём не взятой опоры враслопырку торчали рыжие гвозди.

ЛУДАНОВ Илья родился в 1985 году в посёлке Дубовка Узловского района Тульской области. Окончил НИ РХТУ им. Д. И. Менделеева и Литинститут им. Горького. Автор книг “Ясный день” (2009) и “Секрет небосвода” (2015). Живёт в Москве.

На обожжённой воротине закрывашкой — проволочное кольцо. С робостью вспомнил, как поднимал это кольцо. Ломая сухой крапивный частокол, вошёл на бывший двор. Навалом обломки печи, битый шифер. В заросшем саду — кусты одичалой смородины. На кустах чёрные, как её глаза, блестящие ягоды. В тени яблонь в жару всегда было свежо. И вместо сухого бурьяна тогда дальше перед ним вставали размашистые и длинные, до верхней дороги, грядки картошки, где среди высоких плетней белело пятно её футболки.

Ему пятнадцать. Парит жаркий июль, они только приехали. Бабушка, тяжело двигаясь, кормит птицу. Больше живности держать не по силам. Мама, в цветастом летнем халате, с порожков звонко кличет Митю с крыльца — съездить за молоком:

— В Болотовку нужно. Это за ямами, где коровники. В конце лощины, у пруда, красный дом.

У Бураковых был большой кирпичный дом (дед их ещё в войну на всю деревню кирпич делал из местной глины, что у речки брали) с рыже-оранжевой железной крышей и выцветшей коричневатой террасой. От того дом звали красным. В их Заовражье скотины не осталось (по осени соседи через два дома зарезали последнюю корову), и приходилось ездить в Болотовку.

Из сарая, где столарничал дед, Митя вывел синий, с проржавлинами, велосипед: подкачал колеса, попробовал натянутость цепи. В сарае дед в пыльной от опилок куртке работал на верстаке, показывал сорта древесины: “Головой-та работать сам наостришься, а руками — у меня учися, пока я живой ишо”. Теперь в сарае только старый верстак и опилочная пыль. Будто дед с силой вытряс куртку и ушёл.

В просторном поле, на душистой от трав дороге, ветер играл с волосами. Митя вслушивался, как шуршат по просёлочной дороге шины, проверял, держится ли сумка с банкой на багажнике.

Бураковы встретили приветливо. Дед на лавке щурился на Митю с папиросой в зубах, бабка в фартуке выглядывала с терраски. Спрашивали, как деды, как родители. Налили до краёв молока, поменяли крышки. Во двор высыпала гурьба ребят. Знакомились весело, с ребяческой пружинистой силой узнавали, кто такой, откуда, приглашали на футбол. Митя робко улыбался, испуганно жал руки, а из головы не выходила белизна футболки, вынырнувшая из густой зелени. Он гнал вдоль огородов, когда мелькнуло справа белое пятно, в память впечатались угольного цвета курчавые волосы, схваченные в упругий пучок, и такие же угольные глаза, блеснувшие при повороте головы.

На другое утро, после быстрого завтрака, сославшись на рыбалку и спрятав у речки удочку, Митя сидел в непролазных зарослях ивняка через заливной луг от её дома. Для секретности шёл не по деревне, а ручьем. Сразу по пояс вымок и запыхался, радостно холода сильной росой ноги и потя на ранней жаре. Теперь на берегу речки прислушивался к горластым бронзовым петухам и рябым беспокойным индюшкам с выводками. В буйной траве, через дорогу от дворов, сиротливо мычали телята. Толстошейей гусак, усевшись на зеркало близкого залива, лениво шевелил в воде красными лапами, с подозрением косился на Митю. Он приложил палец к губам и подмигнул важной птице.

Просидел часа два, пока не увидел её в саду: сонно потягиваясь, она говорила что-то ребятам. Горячее солнечного жар в груди, топот бьёт в уши, сдавливает дыхание. Не выдержал, вылез по кустам на другой берег, ругаясь на затекшие ноги. Полями вернулся домой и долго скрывался от мамы, которая, как его увидела, тут же спросила, что же это такое с ним случилось.

Митя сам не знал, зачем всё утро просидел в кустах у её дома. Но в футбол — тем же вечером, в Болотовке — на выкошенном между дворами куске луга — бился, как зверь. По дороге к пруду, за лесом, куда рванули на завтра купаться всей оравой (и она где-то сзади, на красном велосипеде, с блестящим на солнце рулём), на педали жал так, что потом дрожали и болели ноги, а сидевший на раме Витька, моложе Мити года на четыре, жмурился что было мочи со страху. По вечерам с шутками и анекдотами резались

в карты у огня, цедили по глотку добытый у старухи соседки (по пятналику за чекушку) марганцовкой чищенный пшеничный самогон. Митя, налитый необъяснимой силой, притаскивал из лощинки громадные сухие бревна вётел, ставил шалашиком, разводил жуткой высоты костры, так что, верно, и звёздам в холодной пустоте становилось теплее.

...Где-то здесь была терраска. Сапогом отвалил обгорелые доски сарая. Тут же где-то? Найти не смог: от дома остались одни красноватые развалины русской печи. От бревенчатой террасы, настланной толстыми, по-хозяйски, досками, с высоким крепким крыльцом, в зелёный крашенным, ничего не осталось. Сломанная пожаром печь по сторонам зарастёт бурьяном, и никогда случайный прохожий не представит, как могло здесь в довольстве шуметь привычное к труду хозяйство. Вспомнилась песня, которую она вдруг запела в один из последних вечеров. Пела неумело, тихо. Ему нравилось. Сидели здесь, на терраске, свесив наружу ноги. Она лирично прислонила голову к косяку. Семьи разъезжались, оставляли стариков на зимовку. Он не знал, что сказать. Тогда она тихо, глядя на лунный сад, запела, и он не знал, как уйти от неё, и не знал, как сделать, чтобы песня не кончалась.

Песню вспомнил и никак не мог вспомнить её лицо. Тогда зло дёрнул за проволочное кольцо, отворил невидимую воротину и вышел на чавкающий всеёлым половодьем дуг. Здесь будто так и замер гусиный гогот у воды, шорох кур в крапиве у забора, высокий клёкот хищника, клещ вспугнутой индюшки.

Остаться вместе им случилось лишь через неделю со дня его появления в Болотовке. После костра (в игре языков пламени её лицо, смотрит мимо куда-то, молчит), печёной картошки с утянутой из бабкиного подвала склянкой, ночью, тихой тропой Митя провожал её к дому.

— В Москву поступать буду, — говорила она. — Ещё два года, и всё.

— А куда? — Митя говорил мало, выравнивал в дрожи голос.

— Не знаю пока. Может, на экономический. А все говорят — на юридический надо. Дядя — декан у меня там.

Потом они подолгу стояли у ворот, молчали, и он почему-то страшился её больше не увидеть.

Другим вечером притащил тяжёлый отцовский бинокль и, усевшись на плетень, они долго разглядывали испещрённое пятнами лунодо луны. Ночи стали в тепле, ветер стих, и казалось, на луне что-то должно вот сейчас зашевелиться и поползти по щербатым кратерам. И вдруг её рука тронула его. Они просидели вместе ночь, а под утро, когда за далёким лесом разгорались зарницы, и, казалось, даже птицы замерли в садах, он с трепетом коснулся её лица. Провёл рукой по курчавым, жёстким волосам. Она не отстранялась, смотрела блестящими лунными глазами, и ждала его.

Вариант окончания первый

Продрался заросшим садом, вышел к разбитым коровникам. Скелет колхоза плохо шёл солнечной весне. Его остов, след чужой эпохи, летом утопал в крапиве и борщевике. Не так давно в этих местах ещё оставались люди, коровники разбирали на кирпич; после бросили. Когда деревня умерла, первые годы приезжие грибники ещё набивали тропы по старым колеям.

Теперь здесь ходят дорогой зверя. Короткий путь в бурьяне пробилла шустрая лисица, брод через полную весной речку отыскали кабаны. В излучине, под бутром, где старик Бураков брал глину на кирпич, у них грязевые ванны. Широкоголовые лоси за зиму ободрали яблони в садах, стволы длинными полосами исчерчены их острыми резцами.

Пробираешься натоштанной копытами тропой через остатки дворов, заборов, мимо устало скособоченных столбов электропередачи, тонешь в бесконечных, подтопленных апрелем лугах и болотах, врстаешь в природу, как привитый отросток прирастает к дереву, и некого бояться, кроме человека. Вдыхаешь лесную сырость, ветер широких полей, и так хочется брести и брести по зарослям, скрываясь в траве, шумно, зверем, засопеть, одичало улавливать тонкие запахи, прислушиваться к неслышному шороху мыши, чесаться о молодые дубы густой к холодам шерстью. Изредка поднимешь мох-

натую голову на медленный гул, помотришь медовым глазом, как чертит белую полосу в синеве неживая птица. И скроешься, рыскающая, в кущах.

Вариант окончания второй

Когда он вернулся, Варешка, в расстёгнутой от припекающего солнца курточке, кричала во все горло, вытянув вверх озябшие кулачки:

— Папа, папа! У меня зуб вырвался!

Он торопливо скинул сапоги, куртку, убрал в машину ружьё. Вытащил Сашку из-за руля, где тот жужжал вместо двигателя на весь двор. Катя махала из палисадника, где дымил на костре обед. Она была хороша в этом свитере с высоким горлом.

— Мы уже и в доме убрались, и всё приготовили, — она поцеловала его и посмотрела с любовной претензией. — Что бы ты без нас делал?!

Попробовал из котелка, смачно, чтобы Катя видела, с удовольствием причмокнул. Оглядел двор, убедился, что всё в порядке. Взял на руки Варешку, которая тут же принялась наводить порядок в его темно-русой густой шевелюре. Сел с ней на лавку, откуда открывался вид на речку. Варешка стала считать пальцы и кричать что-то бабушке, которая вышла из дома. Катя рассказывала маме, что на работе всё в порядке, хотя времени совсем нет, что скоро выборы и лицами заклеен весь город, что пробки жуткие, по два часа коптишь на жаре или дрогошь на холоде, что продукты и услуги дорожают, а зарплата как-то так хитро растёт, что не увеличивается.

Он посмотрел на них, потом дальше, где изгородью шелестел на ветру седой сухостой, шумел тальми водами ручей и во весь горизонт темнел лес за полем. От ручья прорезал слух одинокий зов ястреба. Он высоко над головой поднял Варешку, потерял игриво.

— Ничего, ничего бы я без вас не делал! Не делал бы совсем ничего!

Чмокнул её в пухлую щёчку и потащил к столу, где мама раздавала приборы, и Катя, усадив ерзающего на месте Сашку, разливала по тарелкам горячий, вкусно пахнущий суп.